

Ю.В. Клюкина

**ГРАЖДАНСКАЯ ВЛАСТЬ, ЦЕРКОВЬ И СТАРООБРЯДЦЫ
В НАЧАЛЕ XX в.: ТРИ ВЕРСИИ ПРАВА СВОБОДЫ
ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ
УРАЛО-ЗАПАДНОСИБИРСКОГО РЕГИОНА)***

1. Дискуссия о свободе совести до 1905 г.

Вопрос о свободе вероисповедания поднимался задолго до законодательных изменений 1905–1906 гг. Во второй половине XIX в. он обсуждался в ходе дискуссий вокруг взаимоотношений церкви и государства. Особенно остро развернулась полемика в середине 1890-х гг., из-за статьи В. С. Соловьева о необходимости религиозной свободы и об обязанности государства одинаково относиться ко всем подданным, вне зависимости от их веры и национальности¹. Оспаривая это мнение, консервативная часть общества² полагала, что нецелесообразно лишать господствующую Православную церковь того привилегированного положения, которое она занимала по отношению к другим религиозным течениям. Считалось, что это повредит престижу и единству православного Российского государства. Противники реформы вероисповедного законодательства из числа церковных деятелей были убеждены, что воплощение свободы совести (термин употреблялся как синоним «свободы вероисповедания») невозможно, в современных условиях это утопия и пока следует отложить провозглашение свободы вероисповедания до той поры, когда общество достигнет надлежащего уровня культурного и нравственного развития. В церковных изданиях нередко звучала мысль, что «одним провозглашением свободы нельзя еще разрешить в действительной жизни общества все противоречия различных верований... провозглашаемая безусловная свобода совести обращается на деле в свободу насилия и преследования и служит не к водворению мира, но к распространению злобы и ненависти между гражданами. Не трудно законодателю теоретически разрешить противоречие принципа с действительностью указанием на уголовный закон о возмездии за нарушение свободы насилием... Но угроза карою и самая кара... не устраняет возможность насилия в действительности... терпимость в характере каждого человека есть добродетель и свойство, нераздельное с нравственной культурою. До этой добродетели не доросло и едва ли доростет

---

* Статья подготовлена при поддержке PSS/OSSF (грант № 1676/1999).

когда-нибудь человеческое общество, и всего менее она доступна для современного общества...»³.

Приверженцы подобных взглядов полагали, что в данный момент преждевременно изменять не только религиозные законы, но и реформировать законодательные основы в целом; наиболее предпочтительное общественное устройство должно базироваться на этике, на свойстве «смотреть не на закон, а на законодателя; не на букву, а на дух, на намерение, а не на деяние...»⁴. Поэтому упрек правоведа Б.А. Кистяковского, обращенный к русской интеллигенции в том, что она не понимает значение правовых норм⁵, можно было адресовать и церковным деятелям, которые не видели оснований для юридического оформления одного из основных личных гражданских прав: «Свобода совести, веротерпимость, всеми желанное благо, и нигде в жизни, кроме души человека нет его абсолютного господства»⁶. «Вера и чувства, по природе своей, не могут подлежать каре закона, поступки же... являются лишь неизбежным следствием пропаганды сектантского учения и, как совершившиеся факты, сами по себе непоправимы. Разумно ли карать за них, то есть признать их нетерпимыми, и в то же время разрешать, то есть признавать терпимую, пропаганду учения, которое служит их причиной?»⁷. Очевидно, предполагалось, что насильственное распространение вероучений является неизменным атрибутом свободы в области религии.

Вообще отсутствие четких определений в полемике вокруг вопроса о свободе совести – явление широко распространенное. В ответной статье Л.А. Тихомирова, главного выразителя взглядов оппонентов В.С. Соловьева, призыв к терпимости трактуется как призыв к безразличию, отказ от насильственной христианизации рассматривается как отказ от миссионерской деятельности, принцип равноправия религии – как принцип уравнительности⁸, и на основании этого делается вывод, что ожидаемая религиозная свобода есть гораздо большее зло, нежели существующее положение дел.

Многие миссионеры предполагали, что в условиях свободы совести действия представителей различных вер и религий будут превращаться в «пагубное своеволие», которому «первенствующая» православная церковь обязательно должна препятствовать, и в этом ей необходимо содействие государства, так как «власть государственная в этом смысле и значении является оружием в руках Божественного помышления о Церкви Христовой... Без сдерживающей силы государства... множество сынов Церкви Христовой уклонилось бы от истины... Это могла бы сделать свобода совести, свобода безнаказанного отпадения от православия, свобода безнаказанного исповедания своей веры, т.е. совращения

других. Кто верит в истину православия, тот не может не придти в ужас от мысли об этой свободе, от этой опасности для многого множества православных ... виновных только в том, что они мало знают истину Церкви Христовой и мало просвещены»⁹.

Представители господствующей церкви заявляли о желательном большем привлечении гражданских властей к решению религиозных вопросов. Пассивная позиция губернских и уездных администраций по отношению к старообрядцам встречала возмущенные отзывы православных пастырей. В 1902 г. миссионер А. Обтемперанский, описывая положение, создавшееся в Верхотурском уезде Пермской губернии, где старообрядцы без разрешения властей (т. е. незаконно) ремонтировали свою часовню в Черноисточинском заводе, устроили в Лайском заводе скит, а «раскольничьи учителя» Климент и Пахомий спокойно проживали в д. Галашки и распространяли свои «заблуждения» по всей округе, восклицал: «Это ли еще не свобода! Чего еще нужно, мы положительно недоумеваем. Узаконение со стороны правительства подобной свободы? Сохрани нас Бог от этого!»¹⁰. С такой точки зрения доброжелательность, выказываемая гражданскими властями при контактах со старообрядцами, тем более рассматривалась как покровительство последним. В связи с этим стоит упомянуть о недоумении, которое вызвал у миссионеров Урала прием в 1903 г. вновь назначенным пермским губернатором А.П. Наумовым делегации екатеринбургских старообрядцев-белокришников. В своей речи перед старообрядцами губернатор высказал мнение, что все жители губернии могут рассчитывать на одинаковое отношение к ним без всякого различия вероисповедания, а сам он относится к старообрядцам «с полной симпатией». Один из уральских миссионеров так прокомментировал это высказывание Наумова: «По-моему, в словах “администратора” маленькая неточность. Прежде всего, *одинаковым* (здесь и далее курсив источника. – Ю.К.) покровительством власти русской, православной пользуются *все* без различия исповедания, но только в делах гражданских..., *но не религиозных*, в сем же последнем случае православная церковь находится под *особым* покровительством власти... В таком случае позволительно спросить: с полной или неполной симпатией г. пермский губернатор относится к православной церкви? “Полная симпатия” к расколу есть в то же время, надо думать, полная несимпатия ко всем и всему, кто и что осуждает его и придает анафемам, сиречь и к миссии. Так или не так это, не знаю, но мне так думается ... Раскольники просили губернатора, “принять их под свое покровительство”. От *кого* же это и от *чего* покровительствовать их губернатору? Уж не случилось ли на Урале какого-нибудь нашествия на них “иноплемен-

ников"? А больше ведь никакого покровительства у губернатора, как представителя власти, они не могли просить. Ужели они дерзнули надеяться на покровительство их пропаганды...?»¹¹.

Следует заметить, что к тому времени депутатии старообрядцев к влиятельным представителям гражданской власти стали обычным явлением. Например, надеясь получить содействие московского генерал-губернатора В.А. Долгорукого в деле открытия молитвенных домов, богаделен Рогожского и Преображенского кладбищ, старообрядцы неоднократно обращались к нему с просьбой поддержать их ходатайства перед верховной властью, и внимание Долгорукого способствовало удовлетворению некоторых из этих прошений¹². В декабре 1900 г. Николаю II было передано ходатайство старообрядцев-белокриницких с 500 тыс. подписями, собранными по всей стране¹³. В ходатайстве содержалась просьба избавить староверов от новых стеснений. Царь ответил, что никаких новых мероприятий против них предпринимать не будет, и это способствовало тому, что в дальнейшем съезды старообрядцев собирались без особых препятствий. В 1903 г. депутатии старообрядцев благосклонно принял московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. Поэтому неудивителен факт приема представителей старообрядческих обществ одним из провинциальных губернаторов. К тому же гражданские власти Уральского региона, где старообрядцы составляли немалую часть населения, в конце XIX – начале XX в. не желали лишний раз обострять с ними отношения. Когда в 1902 г. тот же пермский губернатор получил от епископа Пермского и Соликамского письмо, в котором заключалась просьба принять меры к пресечению деятельности старообрядческих деятелей белокриницкой иерархии в Оханском уезде, уволить волостного старосту-старовера, «а уездным полицейским чинам предписать, чтобы не дозволяли по отношению к сим [старообрядцам] послабляющих мер и укрывательств», то он отказался принимать какие-либо запретительные меры. Следуя соображениям чиновника особых поручений МВД, который проверял факты, изложенные в письме епископа, губернатор указал в ответном письме, что требуемые мероприятия вряд ли исправят положение, поскольку «неуменьшение раскола и неприсоединение раскольников к православию происходит ... из-за ненормальных отношений, установившихся между прихожанами и духовенством местным из-за увеличения таксы за требоисправления»¹⁴.

На отходе от практики преследований старообрядцев настаивали члены Совета съездов горнопромышленников Уральской горной области и представители уральских горнопромышленных предприятий. В поданной ими императору 9 марта 1905 г. записке, среди размышлений о необ-

ходимости гражданских свобод сказано, что «свобода совести должна быть признана главным условием разумного и справедливого общежития... Уравнение старообрядцев и сектантов в правах с членами господствующей церкви имеет особенное важное значение для Урала, в виду многочисленности старообрядцев, а потому и частого их преследования духовными и полицейскими властями, что вредно отражается на отношениях между заводчиками и рабочими к большому вреду для промышленности»¹⁵.

Таким образом, накануне провозглашения веротерпимости взгляды на необходимость такого шага разделились. Основная часть общества придерживалась более либеральных настроений, нежели сторонники охранительного направления.

2. Изменения религиозного законодательства в отношении старообрядцев с 1905 до февраля 1917 г.

12 декабря 1904 г. императором был издан указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», один из пунктов которого предписывал пересмотреть законы о правах старообрядцев и лиц других вероисповеданий, а также «принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения»¹⁶. Пересмотром «стеснительных» законов занимался Комитет министров, который посвятил этому шесть особых заседаний – 25 января, 1, 8, 15, 22 февраля и 1 марта 1905 г. На заседания были приглашены высокопреосвященный Антоний (Вадковский)¹⁷, митрополит Петербургский и Ладожский и сенатор, являющийся первоприсутствующим в уголовном касационном департаменте. Комитет, начиная свою работу, высказал убеждение, что вносимые им в законодательство изменения не затронут «положение, признающее первенствующей и господствующей в Российской империи веру христианскую православную». За время своей деятельности Комитет, учитывая ходатайства, рассмотрел более двух десятков статей законов по 12 аспектам, в которых следовало реформировать законодательство. В итоге на утверждение императора было представлено «Положение Комитета министров». Первые четыре параграфа этого документа касались «общих начал веротерпимости», в частности, признавалось право совершеннолетних граждан переходить из православия в другую веру. Далее следовали 13 статей раздела «По старообрядчеству и сектантству», отдельный раздел, разрешающий распечатать закрытые молитвенные дома и церкви и отменяющий три Высочайших постанов-

ления: о собраниях штундистов, о награждениях медалями сектантов, о поступлении старообрядцев в военные учебные заведения и производстве их в офицерские чины. Кроме того, в данном постановлении Министерству юстиции рекомендовалось согласовать 12 статей законодательства с правилами раздела «По старообрядчеству и сектантству» и еще 4 статьи отменить¹⁸. Дальнейшие изменения религиозного законодательства о старообрядцах произошли в несколько этапов.

17 апреля 1905 г. Николай II утвердил указом «Об укреплении начал веротерпимости» упоминавшееся выше «Положение Комитета Министров». В совокупности Указ и Положение обычно называют Манифестом о свободе вероисповедания. Действительно, по своему характеру данные акты скорее провозглашали общие направления религиозной политики (в том числе и по отношению к старообрядцам), нежели устанавливали конкретные правовые нормы.

О праве свободного выбора вероисповедания было заявлено еще раз немногим позже, через полгода, 17 октября 1905 г., в изданном императором Манифесте «О даровании населению незыблемых основ гражданской свободы и об установлении нового законодательного порядка». В нем, среди прочих прав граждан Российской империи, провозглашалась также и свобода совести. Однако более важным, чем очередное «заявление о намерениях», для повседневной жизни старообрядцев стал результат согласования в марте 1906 г. в Государственном Совете существовавших статей законодательства с провозглашенным принципом веротерпимости. Это привело к отмене 15 статей¹⁹, касающихся старообрядцев и изменению 10²⁰ (часть из них была переписана заново, к другим, в качестве примечания, просто присоединили извлечения из указа 17 апреля 1905 г.). 14 марта 1906 г. итоги согласования были утверждены двумя указами: один по своду законов в целом, второй по статьям уголовного законодательства. В результате, к старообрядцам можно было применять шесть статей Устава о предупреждении и пресечении преступлений²¹, которые носили ярко выраженный ограничительный характер: например, проповедь или сочинение, «возбуждающие к переходу православных в иное исповедание», наказывалось заключением в крепости на 1 год (подобным образом могла оцениваться любая речь старообрядческого начетчика в защиту «древнего обряда» на широко практиковавшихся в то время собеседованиях с миссионерами православной церкви); на старообрядческого наставника за совершение бракосочетания над «смешанной» парой прежде православного священника налагался штраф до 300 руб. и следовало удаление его от должности на срок от 3 месяцев до 1 года. Удаление от должности означало, что старообрядчес-

кая община оставалась в течение указанного времени без богослужений, причастий, покаяний, венчаний, крещений и т.д.

Таким образом, в «согласованных» статьях содержались, хотя и немногие, но весьма явные противоречия со свободой вероисповедания, провозглашенной Манифестом 17 апреля 1905 г. Ситуация, когда к старообрядцам применялись жесткие меры наказания за распространение их веры (которая, согласно тексту вышеупомянутого Манифеста, не являлась «вредной» и опасной), не должна была возникать в условиях свободы вероисповедания, но отмены указанных уголовных статей старообрядцы так и не смогли добиться. Однако в любом случае наказание назначалось только судом после разбирательства.

Следующим шагом в развитии механизма правового регулирования отношений между гражданской властью и старообрядцами стал императорский указ 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин». Согласно ему, любое общество старообрядцев (но не менее 50 чел.) могло направить губернатору прошение о регистрации их общины в качестве юридического лица (после регистрации они получали право с разрешения губернатора сооружать храмы, учреждать богоугодные заведения и школы, приобретать и продавать имущество до 5000 руб., заключать договоры, искать и отвечать в суде). Кроме того, что контроль над всеми аспектами деятельностью старообрядческих общин полностью передавался губернатору и губернскому правлению, этим инстанциям также принадлежала еще и часть судебных функций (они могли инициировать принятие решения о закрытии старообрядческой общины). Таким образом, реализация права на свободу религии у старообрядцев ставилась в зависимость от усмотрения местных чиновников. Характеризуя указ, можно сказать, что в нем четко просматриваются два основных принципа: старообрядцам и их объединениям «дозволено только то, что прямо предусмотрено законом», властным органам и должностным лицам «дозволено все, кроме прямо запрещенного законом».

Как уже отмечалось, в новом указе было установлено, что «следует делать только то, что разрешено», однако конкретные определения «разрешенного» присутствовали не всегда. Например, старообрядцам было разрешено то, что «не нарушает постановления, охраняющие общественную нравственность» (разд. I, п. 6), в то время как определение «общественная нравственность» конкретизировано не было, следовательно, чиновники получали право издавать любые постановления об этом предмете согласно их личному пониманию. Например, они могли на основании этого запретить старообрядческие крестные ходы, если

считали их нарушающими нравственность православного населения (как это расценивалось до 1905 г.).

Указ носил временный характер, предполагалось, что впоследствии его заменит более полный закон о старообрядческих общинах, который будет выработан при участии Государственной Думы, представителей Министерства внутренних дел и Синода. После этого, одобренный Государственным Советом и утвержденный императором, он должен был бы вступить в силу. В 1908 г. в Государственной Думе была создана специальная комиссия для рассмотрения данного закона, в которую вошли и представители старообрядцев. Однако думский вариант нового законопроекта, весьма радикального и вполне устраивающего старообрядцев, был кардинальным образом переработан в Государственном Совете²², после чего его передали в согласительную комиссию обеих палат, где члены Думы и Госсовета так и не смогли придти к окончательному решению. Поэтому новый закон так и не приняли, и правила 1906 г. действовали вплоть до 1917 г.

В результате перечисленных законодательных нововведений старообрядцам предоставлялась возможность исповедовать их веру без ряда прежних ограничений. Новые права (и их ограничения) могут быть изложены в следующих тезисах:

1. Старообрядцы могут свободно отправлять богослужения по правилам их вероучения (указ 17.04.1905, п. 10; указ 17.10.1906, разд. I, п. 1), образовывать и регистрировать свои общины в губернском правлении (указ 17.10.1906, разд. I, п. 1), избранных на общем собрании руководителей²³ общины утверждает губернатор (указ 17.10.1906, разд. I, п. 22), он же имеет право остановить деятельность общины, если найдет нечто противозаконное в ее действиях (указ 17.10.1906, разд. I, п. 6).

2. Зарегистрированная община имеет право сооружать молитвенные дома и храмы, получив на то разрешение губернатора (Положения Комитета Министров 17.04.1905, разд. II, п. 5), учреждать богоугодные заведения и школы, приобретать и продавать имущество до 5000 руб. (свыше этой суммы – только по Высочайшему позволению), заключать договоры, искать и отвечать в суде (указ 17.10.1906, разд. I, п. 13).

3. При заключения смешанных браков старообрядцы уравниваются с инославными христианскими исповеданиями (Положения Комитета Министров 17.04.1905, разд. II, п. 11), т.е. сначала обряд бракосочетания совершается православным священником, а уже после этого старообрядческим священником.

4. Старообрядцы могут устраивать скиты и обители с согласия

министра внутренних дел (Положения Комитета Министров 17.04.1905, разд. II, п. 6).

5. Старообрядцам разрешается иметь особые кладбища (Положения Комитета Министров 17.04.1905, разд. II, п. 13).

6. Старообрядцам разрешается устройство начальных школ на собственные средства, но чтобы эти школы находились в ведении Министерства народного просвещения, и обучение велось учителями, выбранными учредителями школ из числа обладающих образовательным цензом. Программы таких школ утверждаются данным министерством. В общих школах старообрядцам Закон Божий может преподаваться их наставником, который имеет образовательный ценз учителя народных училищ (Положения Комитета Министров 17.04.1905, разд. II, п. 9).

7. Старообрядцам разрешается печатать и ввозить из-за границы богослужбные книги (Положения Комитета Министров 17.04.1905, разд. II, п. 10).

8. В зарегистрированных гражданской властью общинах должны вестись метрические книги под наблюдением государственных учреждений – губернатора, губернского правления (Положения Комитета Министров 17.04.1905, разд. II, п. 12; указ об общинах 17.10.1906).

9. Старообрядческим духовным лицам можно свободно отправлять духовные требы, им «присваиваются» те же права, что и духовным лицам вообще, однако им нельзя носить священнослужительское облачение («когда сие возбранено законом») и употреблять при обозначении их рода занятий православные иерархические наименования (Положения Комитета Министров 17.04.1905, разд. II, п. 7, 8).

Кроме того, в 1907 г. были изданы разработанные МВД временные правила «Для узаконения незаписанных в метрические книги браков старообрядцев и сектантов, а также происшедшего от сих браков потомства», согласно которым доказательством брачного союза могла быть запись не только в полицейских метрических книгах, но и в сословных посемейных списках. Издание этих правил было весьма актуальным, поскольку с 1874 г. по 1906 г. единственной возможностью старообрядцев документально подтвердить совершение брака являлось обращение в полицейскую управу с просьбой зафиксировать его в метрических книгах, ведущихся при полиции, но далеко не все пользовались этой возможностью, опасаясь навлечь преследования не только на себя, но и на совершившего обряд бракосочетания наставника или священника, чья деятельность расценивалась как распространение раскола и должна была пресекаться той же полицией. По новым правилам, запись старообрядцев мужем и женой в сословных посемейных списках считалась

достаточным основанием для признания их брака и детей от этого брака законными. Те же из старообрядцев, чей брак не был нигде зафиксирован, получали право ходатайствовать о признании его законным через суд, представляя свидетелей и удостоверения о бракосочетании от наставника или священника. Издание правил было весьма важным событием, поскольку признание записанных подобным образом старообрядческих браков частично решало вопрос о праве на наследование имущества. 16 июля 1913 г. эти правила перестали быть временными и приобрели статус постоянного закона.

Перечисленные нововведения, в совокупности составив законодательную базу политики веротерпимости по отношению к старообрядчеству, просуществовали без изменений до Февральской революции 1917 г.

По сравнению с законами до 1905 г., религиозное законодательство в отношении старообрядцев в целом стало значительно либеральнее; исключение составлял лишь ряд статей Уголовного Уложения, сохранявших наказания за религиозную деятельность. Очевидно, что наиболее адекватной оценкой качественных изменений законодательства будет такой вывод: новые законы по отношению к старообрядцам установили лишь веротерпимость, но не свободу вероисповедания: все религиозные потребности старообрядцы должны были осуществлять под контролем государственных чиновников, которых наделили функциями, не свойственными им прежде – такими, как отстранение старообрядческих священников и наставников от исполнения положенных им по сану духовных обязанностей.

3. Политика веротерпимости: от теории к практике

Зависимость религиозной жизни староверов от государственных чиновников выяснилась достаточно быстро. Кроме того, что это было зафиксировано в новом законодательстве, согласно которому права местных властей контролировать религиозную жизнь старообрядцев значительно возросли, немалое значение играло и то обстоятельство, что административные методы, к которым прибегали местные органы МВД, ограничивали процесс реализации права на свободу вероисповедания даже при самых благожелательных настроениях губернатора. Действительно, судя по архивным данным, **региональные гражданские власти не стремились чинить препятствия старообрядцам, они лишь выполняли возложенные на них законом функции контроля.** Например, в 1910 г. тобольский губернатор, обнаружив, что из 27 занесенных в его реестр общин только 5 присылают метрические книги на ревизию, осуществляемую им, согласно закону ежегодно, да и те запол-

нены неправильно и небрежно, потребовал от всех зарегистрированных общин прислать ему на проверку метрические книги, иначе он поставит вопрос о закрытии этих общин. И это его право тоже было законным, поскольку он мог, выявив нарушения в делах общины, закрыть ее²⁴.

Хотя в случае с тобольским губернатором стоит учесть еще один фактор, возможно повлиявший на позицию гражданских властей. Тобольское духовенство было настроено и вело себя более жестко по отношению к староверам, оно также стремилось привлечь на свою сторону тобольского губернатора. В Пермской губернии в веротерпимости были заинтересованы владельцы горных заводов, у которых работало много старообрядцев. Заводчики влияли на позицию местных гражданских властей, поэтому к старообрядцам здесь отношение было более мягким, по крайней мере циркуляров с угрозами закрыть старообрядческие общины пермский губернатор не издавал.

Стараясь избежать прямой критики принятых нововведений, миссионеры господствующей церкви признавали рациональное зерно в изменении законов, касающихся свободы вероисповедания: «Много наши диссиденты получили для прочного устройства своей церковной жизни и для обеспечения ее расцвета, что не может не отозваться вредом для православия. Но будем справедливы. По условиям нашего времени правительство едва ли могло иначе и поступить. Отраднее видеть любую религиозную процессию с хоругвями и крестами, чем наглую толпу безбожных революционеров с красными тряпками... Но пусть не дремлют и наши архипастыри и пастыри...»²⁵. Однако для многих представителей православного духовенства и на центральном, и на местном уровнях, признание религиозной деятельности старообрядцев законной расценивалось с самого начала именно как «унижение для православия» и как ошибка, которую следует исправить. И они, как могли, пытались ее исправлять, тем более, что законодательство, сохранив господствующее положение официальной православной церкви, сохранило и ее участие в контроле за деятельностью старообрядцев. В Тобольской и Пермской губерниях приходское священство препятствовало переходу в старообрядчество, постоянно обращалось в консисторию и в полицию с рапортами, а консистория, в свою очередь, в следственные органы с просьбой начать уголовное расследование (обычными статьями обвинения были ст. 90, 93, 94 Уголовного Уложения) о нарушениях старообрядцами приоритета Православной церкви²⁶.

На страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» высказывалось мнение, что новые законы следует распространить только на единоверцев, поскольку только они (а не «раскольники») имеют право

называться старообрядцами, для которых эти законы изданы²⁷.

Такие настроения нередко проявлялись не только в высказываниях, но и в конкретных действиях православного духовенства. В 1910 г. один из лидеров уральских часовенных, старообрядец Афанасий Кузнецов, участвовавший в полемической беседе с православным миссионером в г. Шадринске Пермской губернии, позволил себе высказать мысль, что, согласно каноническим правилам, следует осудить некоторые соборные решения господствующей Православной церкви. Эти его слова были восприняты местным православным духовенством как оскорбление, последовавшее за тем судебное разбирательство оценило его слова как «поношение установлений Православной церкви», что по ст. 74 Уголовного Уложения наказывалось заключением в тюрьму на шесть месяцев. Фактически, получилось, что Кузнецов отсидел срок за то, что высказал вслух ключевую мысль старообрядчества – церковные соборы Русской Православной церкви времен патриарха Никона, наложившие проклятия на приверженцев старых обрядов, приняли неправильное решение.

Еще одним примером ограничения деятельности старообрядцев, является случай со старообрядцем-белокриницким Зосимой Рахмановым из дер. Шамары Пермской губернии. Он был учителем Закона Божия в местной школе, занятия свои проводил только с детьми старообрядцев и православных не учил. Тем не менее, церковные власти при поддержке пермского епархиального миссионера пытались в 1913 г. убедить чиновников Министерства народного просвещения, что его следует уволить. Они считали «что по их просьбе старообрядец-учитель легко может быть заменен православным педагогом», и смогли добиться его удаления. Рахманова перевели в другое учебное заведение²⁸.

В 1908 г., на очередном этапе согласований вышеназванного законопроекта, Синод выразил свое мнение о том, какими должны быть законы, касающиеся осуществления свободы совести. Вновь было указано, что «православная вера и как хранительница ея, Православная Церковь оказали неоценимые услуги русскому народу... Такой взгляд на православную веру был всегда присущ нашему отечеству, а его Венценосные Вожди и доньне неизменно признают себя “верховными защитниками и хранителями догматов господствующей веры”... Это положение православной веры создало для нея некоторые преимущества, признаваемые и ныне действующим законодательством... только одна господствующая Православная Церковь имеет право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ея учения о вере, а всякое совращение православных лицами других вер и препятствование принятию православия воспрещаются и караются уго-

ловным законом». При рассмотрении в Думе нового проекта законов, призванных обеспечить право граждан на свободный выбор веры, Синод призвал дополнить проект 17 новыми условиями (в том числе и ограничительными). Среди них, например, было предложение ввести обязательный 40-дневный срок увещаний миссионерами желающего «покинуть православную веру», запрет нижним воинским чинам из православных, находящимся на действительной службе, переходить в другое вероисповедание, установление для приверженцев остальных религий и религиозных течений особого порядка получения как от гражданских, так и от церковных властей разрешений на проведение процессий, постройку молитвенных домов и церквей и ряд других. Кроме этого, предлагалось сохранить 30 статей старого законодательства, содержащих исключительные права господствующей церкви и ограничивающих положение старообрядческих духовных лиц.

Кроме того, нельзя не обратить внимание на еще один серьезный фактор, влияние которого на осуществление старообрядцами свободы вероисповедания было очень велико. Уточняя статьи нового законодательства, министерства издали для действий своих подчиненных циркулярные распоряжения, которые, входя в противоречия (устранением которых никто не занимался) с основными законами, ограничивали новые права старообрядцев. Особенно широко был известен циркуляр МВД от 18 августа 1905 г., который устанавливал правила перехода из православия в другие вероисповедания (в том числе и старообрядчество). Манифестом 17 апреля 1905 г. провозглашалось, что каждому совершеннолетнему предоставляется право исповедовать избранную им самим религию, и это «лицо признается принадлежащим к тому вероучению, которое оно для себя избрало», а по циркуляру он **должен** был сначала получить у губернатора разрешение на исключение из православия. По своей сути циркуляр был призван дать указания чиновникам, уточняя, как действовать в новых условиях, но в действительности он ограничил право свободы вероисповедания, так как превратил свободный выбор в процедуру получения разрешения. В дополнение к указанному циркуляру Министерство внутренних дел дважды, в 1907 г. и 1909 г., напоминало губернаторам, что они должны строго придерживаться Правил 18 августа 1905 г. и не разрешать присоединение к старообрядчеству тех из православных, кто официально не исключен по решению духовной консистории из метрических книг. В июне 1911 г. Министерство юстиции издало распоряжение, в котором предписывало судам виновных в невыполнении циркуляра от 18 мая 1905 г. наказывать по ст. 29 Устава о наказаниях. Министерство народного просвещения в

1910 г. разослало чиновникам своего ведомства циркуляр о недопустимости принимать учителей-старообрядцев в государственные школы с православными учащимися. Синод в 1907 г. запретил переход из православной веры в другое вероисповедание тех, кто состоит на действительной военной службе, а в 1914 г. военное ведомство запретило производить старообрядцев в офицерские чины.

В этих условиях вполне закономерно, что в среде старообрядцев не было однозначной оценки новых законодательных актов. Действительно, и в столицах, и в глубинке знали и приветствовали «объявленную Государем нам, старообрядцам, свободу». Действительно, новое законодательство сыграло большую роль в активизации старообрядческой деятельности, способствовало повышению правового самосознания большей части староверов. Действительно, у многих появилось желание не только воспользоваться «объявленной свободой», но и добиться отмены многочисленных бюрократических правил, ввести свободу совести (об этом ходатайствовал ряд всероссийских старообрядческих съездов, в которых участвовали, либо, если не было возможности послать делегатов, направляли послания, уральские старообрядцы)²⁹. Однако по одному из вопросов возникли большие разногласия: принимать или нет организацию общин по вновь введенным правилам (по указу 17.10.1906), поскольку слишком велик был риск потери самостоятельности во внутриобщинной жизни. В старообрядческих общинах было развито самоуправление: решения принимались собором мирян и духовных лиц³⁰. В случае регистрации решение о выборе наставников (священников) и председателей общины окончательно утверждалось только губернатором, который, собрав через местную полицию сведения о претенденте, мог и не утвердить его³¹. Таким образом, у собора оставалась лишь совещательная функция. Поэтому часть старообрядцев пришла к отрицательному мнению о праве юридической регистрации общины. В основном это были децентрализованные консервативные общества крестьян-беспоповцев (у крупных общин белокриницкого (австрийского), часовенного и поморского согласий была возможность, используя авторитет и влияние своих зажиточных общинников, предотвратить произвол местных властей или снизить ущерб от него)³². Они опасались, что вслед за легализацией общины последует вмешательство в их деятельность властей³³ (а возможно и какие-либо санкции). Отказавшись регистрироваться, эти общины уже не могли получить разрешение на постройку церкви, школы и т.д.

Обсуждение вопроса об общинах происходило на I Всероссийском съезде часовенных 25–30 октября 1911 г. в Екатеринбурге. На съезде после долгой дискуссии тема регистрации общин так и осталась откры-

той. Часть делегатов, следуя наказам своих обществ, не соглашалась с принятием решения о всеобщей регистрации общин. Интересно отметить, что сторонниками регистрации выступали представители таких крупных городских и поселковых общин: Екатеринбург, Челябинска и Невьянска, против – крестьяне (такое мнение высказали, например, делегаты с Ирюмского Ялutorовского у. Тобольской губ., Верхне-Иргинска, Шемахинской вол. Пермской губ., Башалитской вол. Томской губ., с. Долгодеревенское Оренбургской губ.): «Ни братства, ни общины, ни школы мы не желаем. Во всем этом мы сомневаемся... При общинах мы должны заводить книги и доставлять сведения людям великороссийской церкви. В этой церкви Закон Божий давно убрали и мы от нея отделились. От этого нам хорошего не будет. Сообщение с иноверцами опасно... Старики думают, что при общине от гражданской власти произойдет повреждение... Когда общественники давали мне уполномочие на Съезд, то они сказали мне: поступай как знаешь во всем, но на общины не соглашайся, на братство можно, а общины не принимай»³⁴. Со временем появившаяся тенденция самоограничения у старообрядцев в пользовании новыми религиозными правами стала развиваться; внутри согласий появилось течение «не приемлющих общин»³⁵.

Наиболее радикально отнеслись к новым законам представители страннического согласия (бегуны). На страницах бегунского сборника «Изумруд» можно найти такой взгляд на указ о свободе вероисповедания 1905 г.: «раскольник» просили снять с них это имя, а взамен просили имя «старообрядец», и им это позволили... Старообрядцы с радостью называют себя этим именем, а кто назовет их православными, то отказываются..., [а ведь] если скажешь, что ты не христианин, то уже отступник»³⁶; следовательно, новый закон не только неправильно именует приверженцев древнего обряда, но и ведет к тому, что пользующиеся им пополняют ряды отказавшихся от Христа. Исходя из этого тезиса, странники вообще отвергли все новые законоположения о старообрядцах.

Таким образом, на практике оказалось, что, во-первых, путь от «дарования» свободы вероисповедания до создания механизма, способного обеспечить ее реальное осуществление в начале XX в., остался не пройденным. Духовные власти были единодушны в том, что для господствующей церкви следует сохранить в этой области ее преимущества, ограничив права всех остальных существующих в государстве вер и религий. Старообрядцы, напротив, выступали за уравнивание в правах всех религий. Однако последнее слово так и осталось за представителями светских властей, неопределенная позиция которых стала основной причиной того, что провозглашенное Манифестом 17 апреля 1905 г. пра-

во старообрядцев на свободу вероисповедания так и не трансформировалось в свободу совести.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соловьев В.С. Исторический сфинкс // Вестник Европы. 1893. № 6. С. 370–375.

² Консерватизм – идейное и политическое течение охранительного характера, направленное на принципиальное сохранение существующих социальных отношений и государственного устройства. Вплоть до первой русской революции социальной основой русского консерватизма являлись дворяне-землевладельцы, часть крупных предпринимателей, деятели Русской Православной церкви. В конце XIX – начале XX в. идеологическое обоснование консервативных настроений в обществе было дано в трудах В. Мещерского, Л. Тихомирова, С. Ша-рапова, К. Победоносцева, П. Крушевана, В. Пуришкевича. Как идейное направление консерватизм обладал влиянием на общество, но значительно уступал либеральному и леворадикальному общественно-политическим течениям. См.: Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А. и др. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.

³ Свобода совести и веротерпимость // Прибавления к Церковным ведомостям. 1905. № 3. С. 95, 99.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ Кистяковский Б.А. В защиту права (задачи нашей интеллигенции) // Философия и социология права. СПб., 1998. С. 360–377 (этот очерк был впервые опубликован в 1909 г. в сборнике «Вехи»).

⁶ Сворцов В. По поводу торжествующего настроения раскола и газетных толков о веротерпимости // Миссионерское обозрение. 1904. № 10. С. 600.

⁷ Рождественский Т. Свобода совести и русское законодательство о расколосектантах // Миссионерское обозрение. 1901. № 11. С. 551.

⁸ Тихомиров Л.А. К вопросу о терпимости // Русское обозрение. 1893. № 2. С. 279–280.

⁹ Потехин С. В чем находят себе оправдание меры государственного принуждения и воздействия на раскольников и сектантов // Миссионерское обозрение. 1901. № 11. С. 546–549.

¹⁰ Обтемперанский А. По поводу газетных толков о свободе совести по отношению к глаголемым старообрядцам // Миссионерское обозрение. 1902. № 1. С. 82.

¹¹ Миссионерское обозрение. 1903. № 16. С. 806–808.

¹² Панухина Н.Б. Дары московских старообрядцев генерал-губернатору В.А. Долгорукову (1870–1890-е гг.) // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999. С. 361–379.

¹³ На Урале сбором подписей занимался екатеринбургский купец Григорий Никифорович Грачев – «попечитель и сильный сторонник епископа Уральского Арсения Швецова» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 12. Ч. 3. Л. 14–14 об.).

¹⁴ ГАПО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 158. Л. 193–193 об., 236–249.

¹⁵ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 779. Л. 2 об.

¹⁶ Цит. по: Церковные ведомости. 1905. № 20. С. 242.

¹⁷ Митрополит Антоний (1846–1912) являлся одним из немногих иерархов Русской Православной церкви, отличавшихся либеральными взглядами. С его именем связано устройство Религиозно-философских собраний, которые проходили в Петербурге в 1901–1903 гг. под его покровительством. На собраниях представители интеллигенции и православного духовенства совместно обсуждали религиозные вопросы. Антоний разрешил участвовать в собраниях всем преподавателям и студентам Духовной Академии. Среди участников собраний были Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов, А. Бенуа, С. Булгаков, В. Розанов, А. Карташев, В. Тернавцев, архимандрит Антонин Грановский, П. Флоренский и др. Материалы собрания, печатавшиеся в журнале Д. Мережковского «Новый путь», имели широкий общественный резонанс, встревоживший обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева. В апреле 1903 г. собрания были запрещены.

¹⁸ Последние четыре статьи запрещали смешанные браки, устройство старообрядческих скитов, печатание на территории Российской империи (а также ввоз из-за границы) старообрядческих изданий: ст. 33 Законов Гражданских (Свод Законов. Т. X); ст. 47, 50, 51 Устава о предупреждении и пресечении преступлений (Свод Законов. Т. XIV).

¹⁹ Ст. 18–22, 36–39, 50, 51 Устава о предупреждении и пресечении преступлений (Свод Законов. Т. XIV), ст. 1005–1008 Устава уголовного судопроизводства (Свод Законов. Т. XVI), ст. 33 (прим. 2), 78, 413 (прим.) Законов Гражданских (Свод Законов. Т. X).

²⁰ Ст. 298, 725 Общего учреждения губернского (Свод Законов. Т. II), ст. 888 Устава иностранных исповеданий (Свод Законов. Т. XI), ст. 47, 52 Устава о предупреждении и пресечении преступлений (Свод Законов. Т. XIV); ст. 33 Законов Гражданских (Свод Законов. Т. X).

²¹ Ст. 93, 94, 1557 ч. 2, 1575, 1577, 1578 Уголовного Уложения (Свод Законов. Т. XV).

²² Повлиять на позицию комиссии Госсовета (в которую входили 2 бывших обер-прокурора Синода, 2 архиерея и 3 протоиерея официальной церкви) не смогли ни речи известного адвоката А.Ф. Кони в защиту думского варианта законопроекта, ни статьи В. Розанова и проф. С. Котляревского.

²³ П. 28 Указа о старообрядческих общинах: «Духовными лицами не могут быть избираемы а) неграмотные, б) недостигшие 25 лет, в) подвергшиеся суду за преступные деяния, влекущие за собой на основании Уложения о наказаниях, лишение или ограничение прав состояния, либо исключение из службы..., г) отрешенные по судебным приговорам от должности, в течение трех лет со времени отрешения, д) состоящие под следствием и судом по обвинению в преступных деяниях, влекущих за собой отрешение от должности, е) подвергшиеся несостоятельности, ж) исключенные из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат».

²⁴ Московское губернское правление в 1913 г. по этой же причине Николо-Спасскую общину белокрыницких в Богородском уезде закрыло (Церковь. 1913. № 13. С. 314).

²⁵ *Скворцов В.* Вероисповедный закон 17 октября, его история и значение // Миссионерское обозрение. 1906. № 11. С. 581–583.

²⁶ В мае 1909 г. Тобольская консистория потребовала от прокурора Тобольского окружного суда привлечения к судебной ответственности старообрядческого священника д. Старореямовой Василия Журавлева за то, что он называл себя в официальных бумагах православным иерархическим именованием (священником). 7.05.1909 на священника Иоанна Кудрина в Уфимской губернии и 6.08.1909 на священника Алексея Пучкова в Томской губернии полицией были составлены протоколы за произнесение ими речей при закладках храмов (Церковь. 1910. № 2. С. 38).

²⁷ *Ч-ский Н.* Правительство и Третья Государственная Дума в их отношениях к старообрядчеству // Тобольские епархиальные ведомости. 1910. № 8. Отд. неофиц. С. 174–175.

²⁸ ГАПО. Ф. 37. Оп. 2. Д. 545. Л. 10–13 об.

²⁹ См., напр.: НБ УрГУ. V. № 88р/1201. Послание собора зауральских старообрядцев Первому Всероссийскому собору поморцев.

³⁰ Подробнее о роли соборов см.: *Покровский Н.Н.* Соборные постановления старообрядцев-часовенных востока России XVIII–XX вв. как исторический источник // http://cclib.nsn.ru/win/projekts/siberia/religion/pokrov_ros/html; тексты большинства уральских и сибирских соборных постановлений изданы; см.: Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 332–393, 451–480, 599–603.

³¹ Например, так случилось с наставником Федулинской старообрядческой общины Пермской губернии Василием Федоровичем Плотниковым, которого пермский губернатор отказался вносить в реестр, так как по полицейским донесениям Плотников подозревался в участии в революционных волнениях 1905 г.

³² Но и в этих случаях, вероятно, выяснение того, насколько адекватно закону было то или иное решение местных властей, редко когда проводилось через процедуру обжалования их постановлений в более высоких инстанциях. Единственный пример такого решения вопроса на Урале, произошел в соседней с Пермской Оренбургской губернии 30.04.1911. Оренбургское губернское правление запретило Дмитрию Малафееву именоваться старообрядческим священником, тот подал жалобу в Сенат, и через 5 лет, в 1916 г., Сенат отменил постановление губернского правления (Церковь. 1916. № 46. С. 922–923).

³³ Опасения были не безосновательны. Томский губернатор, например, брал на себя обязанность регламентировать внутреннее делопроизводство в старообрядческих общинах (Слово церкви. 1916. № 21. С. 476).

³⁴ Труды I Всероссийского съезда старообрядцев не приемлющих священства (часовенных) в г. Екатеринбург с 25–30 октября 1912 г. (1911 г.) Екатеринбург, 1912. С. 34, 40–41.

³⁵ См. *Агеева Е.А.* Старообрядческое согласие «не приемлющих общин» и его историографы // Традиционная народная культура населения Урала: Матлы международной научно-практич. конф. Пермь, 1997. С. 172–178.

³⁶ НБ УрГУ. IX. № 366р/5343. Л. 508–511.